

ЛЕТОПИСАНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Древнерусская литература возникла как бы внезапно. «Скачок» в царство литературного творчества произошел одновременно с появлением на Руси христианства и церковной организации, нуждавшихся в письменности и религиозной литературе. А высочайший уровень фольклорных произведений создал возможность народного восприятия новых эстетических ценностей — с ними знакомила письменность [Лихачев, 1980, с. 7 и сл.]. Памятники устного народного творчества были той основой, на которой создавались первые летописи, их следы явственно ощущаются в древнейших текстах «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи младшего извода.

Летописание представляет собой исключительное и неповторимое явление средневековой русской и мировой культуры. Оно существенно и принципиально отличалось от современных ему византийской и западноевропейской анналистики, хронографов и исторических сочинений. Летописание на Руси возникает по меньшей мере в конце X в. (Л. В. Черепнин), хотя некоторыми историками высказывалось мнение, будто отразившиеся в поздней Никоновской летописи сведения времен Аскольда (60-е годы IX в.) представляют собой своеобразную летопись этого князя. Летописи велись на родном языке, тогда как в Европе — почти всегда на латыни, доступной меньшинству даже грамотного народа. Начавшись при церквях и монастырях, летописание к середине XII в. делается частью городской книжной культуры, при том, что оно сохраняется в церковной среде. Летописцы на Руси никогда не были келейными затворниками, как думали в прошлом многие филологи и историки, они чутко реагировали на события и настроения в обществе. Книжники-летописцы влияли на правящую элиту, наиболее чуткие и проницательные представители которой учитывали их мнения и рекомендации. К таким летописцам относился Никон Печерский (вторая половина XI в.).

Летопись с ее государственным размахом, необозримым историческим содержанием стала одним из основных явлений русской культуры XI—XVI в. Обилие, разнообразие и полнота материала, систематичность, с которой велось летописание в городах и монастырях, сделали его неповторимым феноменом книжности, которому не было равных в Европе [Лихачев, 1947, с. 9—10].

Генеалогическое древо летописания было мощным, с глубокими корнями и многочисленными ветвями, оно охватывало едва ли не всю Русскую землю. Приведу емкую и яркую его характеристику, данную Б. А. Рыбаковым: «Светильник, зажженный первыми безвестными летописцами, сначала очень скудно озарял темную глубь отдаленных веков, но, разгораясь, постепенно осветил нам тысячи исторических деятелей, сотни сражений, походов, осад, постройку городов, оборону от половцев, наводнения, пожары, создание произведений искусства, борьбу лукавых царедворцев, народные восстания, церковные споры, живые речи и письма русских людей XI—XVI вв.» [Рыбаков, с. 157].

Летописи не были неизменными, застывшими сочинениями, их переделывали, соединяли с последующими летописями, дополняли, используя известные продолжателям источники, среди них устные рассказы, корректировали их идейную направленность. Так возникали летописные своды, отвечавшие запросам времени и требованиям князей, под покровительством и по указанию которых они составлялись. Даже в поздних летописных сводах использовались труды предшественников. Свод обязательно начинался с «Повести временных лет», вобравшей в себя более ранние летописи. Вначале, в XI в., своды составляли из летописей разного времени, дополнявших и продолжавших одна другую. Но в XII в. принялись составлять своды из летописных текстов различного происхождения одного времени, в которых всесторонне освещались произошедшие в одно и то же время события. Показательным для этого типа источников является Киевский свод конца XII в., вобравший в себя свидетельства нескольких сводов своего времени, прежде всего Лаврентьевского, Новгородского и Воскресенского. Продолжали также создаваться своды на основе одного протографа, примером чего могут служить Летописец Переславля Суздальского и Галицко-Волынская летопись, оба XIII в. Но и подобные своды испытали на себе влияние общерусских летописей. Возникновение и развитие летописных сводов в значительной степени было обусловлено образованием и эволюцией Древнерусского государства, его укреплением и стремлением общества к осознанию своего прошлого и настоящего. Реальный ход развития государственности на Руси не мог не отразиться на русском летописании [Насонов, с. 12—13].

Идейные свойства летописей и сводов уже давно привлекают внимание ученых. Под влиянием идеологических установок 30-х годов XX в. в СССР оказались некоторые историки, упрекавшие летописцев в излишней ангажированности, служению власти. Так, М. Д. Присёлков высказывал уверенность в том, что летопись была не литературным произведением, а политическим документом. Мол, летописцы сводили историю к действиям князей и не касались деятельности народных масс. А редакторская работа над летописными текстами также диктовалась идеологическими соображениями [Присёлков]. Это было преувеличением, которое можно понять, учитывая диктат партии во всех областях советской жизни, особенно в области идеологии и науки. Иначе оценивали русское летописание Д. С. Лихачев и другие ученые конца 40-х — 60-х годов XX в. Он писал о том, что политически острая

мысль летописи служила ориентиром в общественной жизни. Летопись была, кроме прочего, средством просвещения и воспитания общества.

Важнейшим качеством летописания была его злободневность, стремление книжников откликаться на проблемы и вызовы современной им жизни, отсюда намерение доводить рассказ до современности, что видно уже в «Повести временных лет». Это приводило к использованию устных рассказов, причем не всегда из первых рук, из-за чего в летописные тексты систематически и широко вставлялись произведения восточнославянского фольклора и их отрывки. Многие исследователи вообще допускали, что летописи по своему жанру ближе к фольклору, чем к индивидуальному творчеству писателей позднейших времен. Летописание было литературой надындивидуальной. Образно говоря, оно было хоровым творчеством, в котором не было места личностям, они скрыты под спудом своих текстов. Это было искусство, рождавшееся путем накопления коллективного опыта, насыщенное мудростью традиций и единством всей, в основном безымянной, письменности [Лихачев, 1980, с. 9].

Задолго до начала летописания, выросшего из упорядоченных погодных записей о событиях и фактах, в устном народном творчестве жило стремление к систематизации исторических знаний. У всех народов на определенных этапах их этнокультурного развития фольклор стремился к своеобразному историзму. Наряду с другими факторами это объясняется складыванием эпического произведения после того, как в истории произошло определенное событие. Поэтому-то все эпосы построены на исторической, событийной, основе.

Б. Д. Греков метко сказал о фольклорных произведениях, что это «история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опозитизированные предания не записывались, хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста. Но оценка событий здесь всегда верна, и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим» [Греков, с. 7]. Поэтому современные исследователи с доверием относятся к основанным на устных преданиях и легендах рассказам летописи о расселении славян, размещении их на пространстве Восточной Европы, основании Киева, деяниях первых князей.

Устная фольклорная история Руси была предшественницей ее истории письменной. И в дальнейшем, когда в Древнерусском государстве родилось и расцвело летописание, эта история шла бок о бок с историей письменной, щедро снабжая ее фактами, свидетельствами о различных событиях в стране и в мире, образами и изобразительными средствами. По мнению А. Н. Насонова, даже во второй половине XII в. в народе помнили о песнетворце Бояне, воспевавшем времена Ярослава Мудрого и его брата Мстислава, победившего Редю, помнили их подвиги. Летописание восприняло от дописьменной поры великие достоинства русского языка: фразеологию, богатство лексики с ее меткими идиоматическими выражениями, выразительность и метафоричность. В древнерусский период лучшие произведения устного народного творчества ощутимо влияли даже на форму летописных статей, воздействуя тем самым на формирование летописания как жанра.

«Летописные своды, — писал М. Н. Тихомиров, — были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания» [Тихомиров, с. 41]. Ученый стремился ответить на вопросы, когда было записано летописцами Сказание о первых русских князьях, которое, на его взгляд, начиналось с повествования об убийстве Игоря древлянами в 944 г. и завершалось рассказом о вокняжении Владимира Святославича в Киеве в 978 г. М. Н. Тихомиров думал, что сказание об Игоре было записано летописцем около 1043 г., но не исключал того, что мог существовать его текст первой половины XI в. Сказание же об утверждении Владимира в стольном граде Руси ученый отнес к промежутку времени между исходом X в. и 1007 г. [Там же, с. 49–56].

Однако тексты фольклорных преданий, отразившихся в летописи, не определены, равно как и их форма. Наука не располагает их текстами, параллельными летописным, поэтому изучение их затруднено [Насонов, с. 20–21]. Одну из многочисленных попыток рассмотреть фольклорные сказания предпринял в конце XIX в. А. А. Шахматов. Он привлек сравнительно для этого времени поздние Устюжский и Архангелогородский летописные своды с целью восстановления древнейшего текста Начальной летописи, допустив, что этот текст передан в Архангелогородском своде в более древней и полной редакции, чем отразившаяся в Новгородской первой летописи [Шахматов, с. 52–56]. Но подобные исследования в позднейших работах летописеведов не были продолжены.

Древнерусские летописи (равно как и жития святых и проповеди) сохранили большое количество фольклорных памятников: родовых и исторических преданий и легенд, произведений дружинного эпоса. Они легли в основу известий о событиях, не отраженных в современных им письменных источниках. Систематически черпая из неиссякаемого фольклорного фонда, первые летописцы сумели отразить сведения о далеком прошлом Русской земли, начиная с первых веков нашей эры. Устное народное творчество продолжало снабжать летописцев ценными известиями в более поздние времена, когда широко использовался дружинный фольклор: песни, сказания, пословицы и поговорки. Так была заложена прочная основа для написания отечественной истории древнерусского времени.

Фольклорный источник способен отразить важное событие, которое по цензурным или иным соображениям не могло попасть в летопись или в другой письменный источник. Отсюда понятно, что оба вида источников дополняют друг друга. Задача историка состоит не столько в том, чтобы проверять достоверность одних источников путем сопоставления их с другими (само по себе важное дело), сколько в том, чтобы, творчески используя фольклорные и литературные памятники, стремиться максимально полно и всесторонне воссоздать картину далекого прошлого.

Познавательные возможности каждого вида источников ограничены. Летопись имеет перед фольклорным памятником то несомненное преимущество, что она в состоянии точно и подробно отражать историческое событие. Это отражение обычно принадлежит современнику событий. Но и это преимущество не абсолютно, ведь летописи дошли до нашего времени вовсе не в первоизданном виде: они неоднократно редактировались, переделывались и переписывались. Между древнейшими рукописями летописей и временем, когда они создавались, обычно лежат два или больше столетий. Каждая переделка или редакция летописного текста выполнялась не по прихоти писца или редактора, а в духе социальных и политических интересов своего времени. Интерпретация того или иного события в летописи не всегда принадлежит современнику. Произведения же устного народного творчества крайне редко сохраняют точность передачи имен и фактов, однако способны в течение столетий сохранять без особых изменений народную оценку сущности явлений или событий.

Общественно-политические взгляды летописцев и редакторов сводов издавна вызвали интерес ученых, стремившихся реконструировать их путем изучения самих текстов. Обращение к летописям, создававшимся в Южной Руси в XII–XIII в., позволяет бросить взгляд на идейные особенности этих произведений, выявить исторические концепции их создателей. Высокохудожественная Киевская летопись XII в. воспевает воинскую славу, защищает целостность Русской земли, подчеркивает ее культурное и этнокультурное единство, призывает сильных мира сего, погрязших в болоте политического противостояния, вспомнить о величии предков, объединиться, укрепить государство и дать отпор врагу. Когда в разгар усобиц из-за Киева в конце 40-х годов XII в. между могущественными княжескими кланами Мстиславичей, Мономашичей, Давидовичей и Ольговичей была предпринята попытка положить конец княжеским ссорам и заключить мир, летописец с едва скрытыми сарказмом и горькой иронией вкладывает в княжеские уста саморазоблачительные слова: «То есть было прежде дѣдъ нашихъ и при отцѣхъ нашихъ, миръ стоять до рати, а рать до мира. Нынѣ же на насъ про то не жалуй, оже есмы устали на рать...». А далее враждующие князья «на томъ дѣловаша хрестъ у Святомъ Спасѣ, ворожду... отложити, а Русской земли блюсти и быти всим за одинъ братъ»¹. Но и после этого межкняжеские отношения остались прежними. В этих философских словах книжник обнаружил тонкое ощущение эпохи, понимание того, что Русь катится к закату государственности и усилия князей, пусть даже искренне направленные на прекращение раздоров, окажутся тщетными.

Достаточно отчетливо идейно-политическое кредо Галицко-Волынской летописи прослеживается на всем протяжении этого высокохудожественного и насыщенного событиями памятника. Его главная идея особенно четко выражена в части, относящейся к 1205–1245 г. (Летописец Даниила Галицкого) — апология сильной, никем не ограниченной княжеской власти. Составители и редакторы памятника возвеличивают, отстаивают и пропагандируют власть государя, хранителя законов, порядка и стабильности в народе, способного защитить народ и от внешнего врага, и от произвола боярства. Для своего времени это были прогрессивные идеи, способствовавшие сплочению народа и укреплению государства. Книжники постоянно превозносят создателя Галицко-Волынского княжества Романа Мстиславича и его сыновей Даниила и Василька, начиная буквально с первых строк сохранившейся части источника.

Открывающий Галицко-Волынскую летопись величественный и эмоционально возвышенный панегирик Роману Мстиславичу есть не что иное, как мечта об идеальном князе (в исторической действительности Роман был весьма далек от идеала). Сочинитель панегирика называет его «приснопамятным самодержцем всея Руси, одолѣвша всѣмъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростию ходяще по заповѣдемъ Божиимъ»². Подчеркивается следование галицко-волынского государя предписаниям Господа и тем самым высшая богоугодность и законность его деяний в войнах против внешних и внутренних врагов Руси.

В сочувственном изображении летописцев сыновья Романа Мстиславича проводят свою государственную деятельность, преодолевая упорное многолетнее сопротивление внутреннего и внешнего врага. Не случайно логическую ткань изложения Летописца Даниила Галицкого в двух местах разрывают торжественные и тревожные слова, идентичные по смыслу и почти тождественные по форме: «Начнемъ же сказати бесчисленьныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многыя крамолы, и частая вѣстания, и многыя мятежи; измлада не бы има [Романовичам] покоа»³. Крамолы, восстания и мятежи были делом рук великих галицких бояр, препятствовавших восстановлению Романовичами могущественного

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 256, 257.

² Галицко-Волынская летопись / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 78.

³ Там же. С. 93.

и объединенного Галицко-Волынского княжества их отца. Обоснование необходимости борьбы против непокорного боярства, тянувшего страну в пучину удельной раздробленности, принадлежит к числу основных политических идей Галицко-Волынского свода. Не так уж часто галицкие и волыньские книжники напрямую обличают бояр, «мятежников земли». Гораздо чаще это делалось путем разоблачения их безбожных поступков, коварства, лжи и прямого предательства законной государственной власти.

К числу особенно ярких образцов открытого и гневного осуждения боярских олигархов принадлежит рассказ о великом боярине Жирославе, оклеветавшем тогдашнего галицкого князя Мстислава Мстиславича перед другими боярами (около 1224 г.). Обман был раскрыт: «Князю же обличившу ему Жирослава, и гна и от себе, яко же изгна Бог Каина от лица своего»⁴. Книжник провозглашает гневные филиппики в адрес боярства. Он сравнивает умышлявших на жизнь Даниила Романовича бояр Молибогвичей с «русским Каином» (выражение «Повести временных лет»): «Неверным Молибогвичемь... рекъшим, яко: “Свет наш раздрусился”, и побегшим им, яко оканный Святополк»⁵.

Особенно преступным нарушением норм феодального права и кодекса чести, предписывавших верность вассалов сюзерену, были неоднократные попытки бояр убить Даниила, прочие их выступления против князей с оружием в руках. Молвив о «многих мятежах» и «великих льстях», книжник повествует о многочисленных заговорах бояр, имевших целью лишить государя жизни, и не жалеет осудительных эпитетов и сравнений, описывая предательские действия бояр.

Такие мысли вызвало у меня обращение к летописям, выдающимся памятникам русской общественной мысли и книжной культуры XI–XIII в.

Литература

- Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953.
Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1980.
Насонов А. Н. История русского летописания. М., 1969.
Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.
Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 41–56.
Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 1–58.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Там же. С. 98–99.